

Л.Н. Попова (г. Могилев, Беларусь)

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ СЛАВЯНИНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Я. КОЛАСА И Н. КЛЮЕВА

Роль культурных, и литературных в том числе, памятников как носителей важной информации в постижении менталитета личности неоспорима.

Творческое наследие Я. Коласа и Н. Ключева – поэтов двух славянских народов – представляет возможность в художественной реальности постичь гуманистические ценности восточных славян в период 20-х и 30-х годов XX в. В художественных текстах этих авторов вызывает интерес духовно-религиозное сознание не только героев произведений, но и их создателей. Как категория духовное представляет собой интегрированное образование, составной частью которого является религиозное. Цельность духовного и религиозного отражена в Писании: «Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Евангелие от Матфея, гл. 4. ст. 4).

Поэтика произведений Ключева и Коласа основана на христианском миропонимании. Опираясь на сведения из биографий, на свидетельства друзей и близких, сопоставляя факты с художественными текстами, мы постигаем духовное содержание и религиозные устремления героев произведений. При этом духовность понимается как стремление к красоте, добру, истине, в основе которых лежит потребность служить людям и добру, постоянное стремление к самосовершенствованию; в завершенном виде духовность приобретает форму религии.

Рождение Н. Ключева в семье старообрядцев, духовное наследие которых поэт высоко ценил, наложило отпечаток на мировоззрение поэта, исповедующего философию православия в ее дониконовском варианте. В «его художественной системе гармонично сосуществует старая православная традиция и славянский полуязыческий взгляд на жизнь» [1, с. 20]. Как поэт Ключев начал с религиозных псалмов, поэтому вся его поэзия наполнена божественными образами, религиозными

мотивами, аллюзиями и реминисценциями, благодаря которым формируются новые смыслы авторского текста.

Высшей ценностью для Ключева является Господь Бог. Поэт верен библейской заповеди «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим...». Торжественно-возвышенным тоном окрашены строки, в которых он взывает к высшей субстанции: *Рукою благодатной Господь / Развезя сумрак непогодный/ И дал мне светлую милоть...* [2, с. 27]. Для поэта Господь Бог – *творец всевидящий, наш взыскующий Отец, милостливый Боже*; в образе Иисуса Христа воплощается духовный смысл истории России. Русь поэта – *Христова земля*. В большевистской России для значительной ее части по-прежнему *Бог зеленеет побегом ветловым, / Под новою твердью, над красной землей* [2, с. 116].

Константин Михайлович Мицкевич, рожденный в многодетной белорусской семье, живущей традициями предков, в детстве был крещен. Обучение в Несвижской учительской семинарии, где как обязательные предметы изучался Закон Божий, церковный устав, история христианской церкви, способствовало постижению диалектического взгляда на мир. По воспоминаниям учеников семинарии, ежедневно в распорядке дня воспитанники «*выслухоували даволі працяглыя малітвы, некаторыя з іх мы пелі хорам*» [3, с. 11]. В атеистическом государстве нельзя было ожидать от Коласа открытого проявления религиозной духовности, но христианское отношение к людям и природе было присуще поэту. Сегодня из архивных источников стало известно, что в секретной записке от 1924 г. назывались следующие характерные черты литературных произведений Коласа: «*перегиб в сторону национал-шовинизма с религиозными божественно-сплащавыми напояниями, ничем не прикрытыми*» [4, с. 88]. Очевидны прямые и косвенные подтверждения того, что в сознании поэта религиозное мировосприятие занимало значительное место.

Религиозная маркировка у Коласа в поэме «Новая земля» заметна по всему тексту: *дзень быў святы*, *стол стоіт пад абразамі*, *воскресны дзень для крэсьцян вольнай часіны*, *вялікая субота*, *цвінтар*, *крыжы*, *званніца*, *божы свет*, *Бог дасць*, *дай Божа*, *дзякуй Богу*, *воля Бога*, *часоў божых*, *нябожа*, *след святы* и др. В сознании белоруса четко разграничены представления о Боге и грехе, эти навыки усваиваются с детства, в семье. *Жывуць, цярпліва долю смычуць / І крыж нясуць...; І божы свет здаваўся мілы; Было што есці, дзякуй Богу!* От первого дня и до последнего часа белорус живет с Богом в душе и на устах. Живые молят: *Ах, мой ты божа добры, мілы!*, *Няхай-жа бог нам памагае!*; в последний путь покойнику желают: *Няхай з святымі апачыне!*

«Родны кут» поэт определяет как высшую Истину. На протяжении всего произведения выражается его бескорыстная любовь к родному

краю: *Я родны край успамінаю, / Я ім жыву, / я ў ім душою / І сэрцам
кожнаю парою / Як той нявольнік...*; *О, край мой мілы! Усёй душою/
Хачу злучыцца я з табою... У тваёй зямлі сыйсці ў магілу...* [5, с. 155-
156]. Заповедь «Не произноси ложного свидетельства...» «реализует-
ся» в поэме через абгаворы, даносы друг на друга, через принцип
кусаць адзін другога збоку. При общении с паном зависимый человек
На крыж гатоў ісці за пана, / Цярпліва зносіць крыж пакуты [5, с. 104].
Это еще одна духовная ипостась христианина-белоруса, однако по-
добный идеал Михал не принимает: *І так зніжацца! Цьфу, агіда! / Не
мець ні вобраза, ні віда, / Ні, нават, цені чалавека...* [5, с. 102].

Многодетная семья, главой которой является мужчина, любящий
муж и отец, живет по христианским заповедям. В большой семье бело-
руса и в художественном мире поэмы *кожны месца сваё мае*, свое
место не только за столом, но и в семейной иерархии. Дядька Антось –
личность духовно богатая и талантливая, пытается найти гармонию с
окружающим миром и с самим собой, именно он является вырази-
телем духовно-религиозного сознания белорусов. В общении со своими
племянниками, опираясь на принципы народной педагогики, Антось
делает все с душою: будь то рыбалка, сбор меда, дела по хозяйству. В
совместной деятельности через приучение, убеждение и личный при-
мер вводит детей в природу, воспитывает эмоциональное поведение,
формирует систему народных ценностей.

В произведениях обоих поэтов находят свое отражение церковные
праздники. В «Новой земле» – это Покров, Рождество, Вербное вос-
кресенье, Пасха и др.; на страницах поэмы имена библейских персона-
жей: Абрам, Исаак, Соломон, Ева, Адам, Лот, Сим, Хам, Илья, Самсон,
Каин, Авель и др. В произведениях Ключева неоднократно называются
христианские святые: Иоанн, Димитрий, Николай, Власий, Павел, Бо-
городица и др.; преподобные отцы Изосим, Савватий, Елизар, Авва-
кум, Феодосий. Крестьяне в святой молитве обращаются к чудотвор-
ным иконам Божией Матери: *Утоли мои печали, Обрадованное Небо,
Умягчение Злых Сердец, Сладкое Лобзание, Неопалимая Купина; Спас,
Закливание* и др. Автор упоминает празднование Рождества, Святки,
Пасхи, называются христианские праздники Илья, Аграфена, Купала,
Федосья-колосовница, Варвара и др.

Строки стихов Ключева наполнены церковной лексикой: *подрясник,
монастырская скуфья, икона, просфорка, скитный звон, радельная
свеча, лампадка, складень, саван, псалтири, митра, райская птица
радости Сирин, птица печали Алконост* и т.д. Поэт переосмысливает
библейские образы, ставя их в один ряд с образами историческими,
античными, религиозными, сказочно-народными, поэтическими. Часто

рядом использует «высокий» и «низкий» стили, «персонажи» рая и ада: с одной стороны, *София* (христианский храм), *Царьград*, *алконост*, *евхаристия*; с другой – *расстрига*, *хам*, *конокрад*, *святотатец*, *шаманы*, *Гришка*, *кровь и огонь* и т.д. Через средоточие «несочетаемых» образов и понятий поэт сообщает: *я женат на Красоте*, подтверждая свою приверженность к Добру, к вечным Истинам, к прекрасному. Полярные хронотопы «ад» и «рай» взаимопроникаемы: *пулемет... сладостен для охочих Пробуравить свинцом народ...*; ему противопоставлены на божнице *верба*, *Христов Лазарет*, *песня родная* и др. Ад – это *рубиново-красный солдат*, *ад гвоздиных ран*, *непролазный мертвый валежник*, *окровавленная отчизна*; *Блузник*, *сапожник ножом*, *Раздирающий лик Мадонны*; *над лебедем Егорьем*/ *Орлит аэроплан*. Рай – *Финифтяный рай* и *пшеничный*, *рай избяной и мужицкий*, *берестяной* и *коврижный рай*, *нищий рай*; в своем личном мире поэт грезит *о северном рае*/ *Плодов и газельных очей* [2, с. 105], который *ядрен* и *чудесен* и где *стряпка Лукерья* / *Указует дорогу в рай* [2, с. 104].

Душа для верующего человека – безусловная Божественная реальность. У Ключева *журавли матери душу несут за моря*, ее душа поселилась в *маковке ветхой церквушки*, сама же *мама* пребывает в *раю*; и даже *солнышко* не просто источник тепла и света, а *ходок от маминой праведной души*; существует *Душа Земли*, *душа – степной жеребенок*; и устремленная *ввысь взлетит душа алконостом*/ *В голубую млечную медь* [2, с. 23].

И Колас, и Ключев жили и развивались в противоречивой реальности, и эту реальность мы «вычитываем» в их произведениях. Сознание Коласа-христианина испытывало влияние католицизма. В сознании Ключева до последнего дня боролись два начала: «старая» вера и новая. Налицо у обоих поэтов эсхатологические черты ментальности восточных славян. Славянину также свойственно одухотворение явлений природы. Вера в Бога во все времена была для человека оплотом и надеждой на лучшую жизнь. Созданные поэтами произведения живут в истории, т.е. в сознании читателей, в их духовном мире.

Литература

1. Судаков, Г.В. Звук и слово в поэзии Ключева / Г. В. Судаков // Русская речь. – 2000. – №5.
2. Ключев, Н. Песнослов / Н. Ключев. – Петрозаводск, 1990.
3. Пшыркоў, Ю.С. Летапісец свайго народа / Ю.С. Пшыркоў. – Мн., 1982.
4. Шырокава, Я. Наследаванне хрысціянскіх традыцый сям'і Міцкевічаў у жыцці і творчасці Якуба Коласа / Я. Шырокава // Каласавіны. – Мн., 2008.
5. Колас, Якуб. Збор твораў: у 7 т. / Якуб Колас. – Т.4. – Мн., 1952.